

Резникова Алёна Евгеньевна,
студентка Юридического института,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Reznikova Alyona, Student,
Belgorod State National Research University

Научный руководитель:
Власова Ульяна Александровна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского права,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Vlasova Ulyana Aleksandrovna,
Assistant Department of Labor and Business Law,
Belgorod State National Research University

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION MANAGER

Аннотация. Статья анализирует доктринальную неопределенность правового статуса арбитражного управляющего при формально высоком барьере доступа в профессию. Предлагается трёхаспектная модель статуса: вспомогательный орган правосудия, доверительный управляющий имуществом и участник экономических отношений. Показываются пробелы в единых стандартах компетентности и ответственности, что ведёт к разнотолку в правоприменении. Обосновывается необходимость Кодекса поведения и включения технологической компетентности (цифровая сертификация) в квалификационные требования.

Abstract. The article analyzes the doctrinal uncertainty of the legal status of the arbitration manager in the context of a formally high barrier to access to the profession. A three-aspect model of the status is proposed: an auxiliary body of justice, a trustee of property, and a participant in economic relations. The article highlights the gaps in unified standards of competence and responsibility, which leads to different interpretations in law enforcement. The article substantiates the need for a Code of Conduct and the inclusion of technological competence (digital certification) in the qualification requirements.

Ключевые слова: Банкротство, управляющий, статус, ответственность, добросовестность, цифровизация.

Keywords: Bankruptcy, manager, status, responsibility, integrity, digitalization.

В условиях постоянного увеличения числа производств по делу о несостоятельности вопрос о структурированном и регулируемом доступе к профессии арбитражного управляющего приобретает все большую системную актуальность. Правовому порядку недостаточно просто удовлетворять количественные требования; качественный аспект профессиональной подготовки к выполнению такой важной роли также должен подвергаться строгому институциональному контролю.

Процесс, ведущий к официальному назначению арбитражного управляющего, остается структурно сложным, длительным по времени и обременительным с финансовой точки зрения. Для получения профессии необходимо иметь высшее юридическое или экономическое образование, значительный опыт работы на руководящих должностях, пройти сертифицированные специализированные программы обучения по вопросам законодательства о несостоятельности и успешно сдать государственные квалификационные экзамены,

проводимые Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Кроме того, требуется обязательная двухлетняя практика под руководством саморегулируемой организации (СРО), которая знакомит кандидата с реальной практикой неплатежеспособности в контролируемых условиях [3].

Несмотря на этот сложный многоступенчатый протокол доступа, доктринальное определение правового статуса арбитражного управляющего остается явно недостаточно проработанным. Это свидетельствует о глубокой асимметрии: хотя доступ к этой профессии регламентирован строгими процедурами и требует существенных затрат, концептуальным основам, определяющим юридическую природу должности управляющего, не хватает внутренней последовательности, и они характеризуются неразрешенной теоретической фрагментарностью.

Формально статус арбитражного управляющего определен, прежде всего, Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее – Закон о банкротстве). Нормативно-правовая база ставит управляющего в неоднозначное правовое поле, в котором элементы гражданского, процессуального и административного права сочетаются без достижения доктринальной консолидации. Несмотря на институциональную встроенность арбитражного управляющего в процессуальный механизм несостоятельности, академические интерпретации этой роли остаются неоднородными, часто колеблясь между минималистскими процессуальными концепциями и более широкими интерпретациями, которые ставят управляющего на пересечение различных правовых и экономических подсистем.

Эта доктринальная неопределенность послужила катализатором развития многочисленных и порой конкурирующих теоретических моделей, направленных на разъяснение функционально-правовой сущности арбитражного управляющего в рамках российской правовой системы.

Среди преобладающих концепций - теория представительства, которая подразделяется на несколько различных интерпретаций. Некоторые ученые-юристы позиционируют арбитражного управляющего как представителя кредиторов, основываясь на понятии делегированной воли и фидuciарной ответственности. Другие рассматривают управляющего как представителя должника, особенно в тех случаях, когда сохраняется непрерывность управления предприятием. Дальнейшее развитие этой линии рассуждений включает теории, в которых управляющий рассматривается как составной представитель, одновременно воплощающий интересы множества заинтересованных сторон: кредиторов, должника, бенефициарных владельцев, учредителей корпораций и даже системный императив поддержания стабильного и законного гражданского оборота [1].

Кроме того, отдельное направление научных исследований предполагает, что арбитражного управляющего следует рассматривать как институциональную единицу *sui generis* – квазикорпоративный орган должника, отличный как от государственной власти, так и от представительства частных лиц. Это толкование пытается примирить широкие полномочия управляющего с отсутствием традиционных агентских структур, но остается спорным в доктринальных кругах.

Отсутствие консенсуса по этим основополагающим вопросам продолжает порождать правовую неопределенность. Это подрывает способность сформулировать единую теоретическую базу для функций арбитражного управляющего в области публичного и частного права и препятствует созданию согласованной системы профессиональной подотчетности и ожидаемых результатов. Разрешение этой двусмысленности остается важнейшей задачей как для совершенствования законодательства, так и для академической юриспруденции.

В отношении представительских полномочий арбитражного управляющего сложился целый ряд доктринальных подходов, особенно в связи с тем, что они варьируются на разных процессуальных этапах банкротства. Одна из точек зрения описывает функциональную трансформацию, зависящую от процессуальной стадии: во время инициирования внешнего управления управляющий действует в основном от имени должника; при переходе к зрелым стадиям внешнего управления его роль переориентируется на представление интересов кредиторов; и в контексте мирового соглашения акцент снова смещается – на этот раз в сторону согласования с интересами государства.

Согласно конкурирующим толкованиям, арбитражный управляющий занимает юридически смешанную должность – частично интегрирован в организационную структуру должника, частично аналогичен доверенному лицу и частично функционирует как частный агент, наделенный набором исключительных полномочий, которые обычно недоступны обычным субъектам права. Эта гибридность не поддается сведению к единой определительной категории [4].

В дополнение к вышесказанному, несколько доктринальных теорий предлагают альтернативные структурные основы. Теория доверительного управления предполагает фидуциарные отношения, основанные на управлении активами. Теория трудового договора интерпретирует роль менеджера как производную от трудового права, в то время как теория собственности рассматривает юридические полномочия менеджера как проявление ограниченных прав собственности. Каждая теория закрепляет юридические полномочия менеджера в рамках отдельной концептуальной архитектуры, подчеркивая различные нормативные приоритеты.

С точки зрения теории публичного права арбитражный управляющий рассматривается как квазиофициальный субъект, наделенный элементами публичной власти, сродни судебному служащему, исполняющему судебные поручения. Напротив, другая научная школа придерживается мнения, что менеджер выполняет исключительно частные функции, лишенные какого-либо публичного или институционального характера, тем самым подчеркивая принципиально гражданский характер назначения и обязанностей менеджера.

Кроме того, в дискуссию были введены некоторые нетрадиционные рамки. Например, в одном из предложений предлагается регулировать отношения между должником и управляющим с помощью договорной конструкции, тем самым переводя дискуссию из административной или фидуциарной сферы в сферу частных распоряжений.

Множественность теоретических парадигм, многие из которых несовместимы, свидетельствует о глубоком отсутствии консенсуса в правовой доктрине относительно юридической идентичности арбитражного управляющего. Эта фрагментарность отражает не просто научные разногласия, но и более глубокую концептуальную нестабильность, связанную с самой ролью. Отсутствие доминирующей модели толкования по-прежнему делает правовую природу арбитражного управляющего предметом неурегулированных споров.

На наш взгляд, правовая природа полномочий арбитражного управляющего должна быть разбита на три взаимосвязанных аспекта [5]:

- 1) в качестве вспомогательного органа судебной власти, выполняющего функции, возложенные на него судом в ходе процедуры несостоятельности;
- 2) в качестве доверенного лица, на которого возложено управление имуществом другого лица;
- 3) в качестве участника экономических отношений, несущего ответственность по гражданскому праву.

Существующая нормативно-правовая база, регулирующая деятельность арбитражных управляющих, демонстрирует значительные структурные недостатки в согласовании их

процедурных обязанностей с функциями принятия решений по существу. Такая разобщенность порождает как доктринальную неопределенность, так и оперативную фрагментацию, особенно в сценариях, когда арбитражные управляющие участвуют в деятельности, которая одновременно представляет собой процессуальные действия и экономическое вмешательство, например, оценку стоимости активов или координацию взаимодействия с кредиторами.

Основной характеристикой правового статуса арбитражного управляющего является его гибридное происхождение как из публичной, так и из частной правовых доктрин. Формально управляющий назначается на основании судебного мандата и отбирается с помощью механизма, созданного саморегулируемой организацией (СРО), что якобы позиционирует ее как независимого процессуального субъекта. Однако эта формальная автономия ограничена законодательными ограничениями, в частности теми, которые сформулированы в статье 20 Закона о банкротстве, которая кодифицирует компетентность, независимость и добросовестность в качестве основных атрибутов. Несмотря на кажущуюся ясность, эти нормативные ориентиры страдают от практической расплывчатости из-за отсутствия стандартизованных протоколов толкования в разных юрисдикциях. Следовательно, идентичное поведение может вызывать различные нормативные или дисциплинарные реакции в зависимости от юрисдикции, что подрывает правовую предсказуемость и нормативную согласованность.

Еще больше усугубляет эту неопределенность неразвитость концепции ответственности арбитражных управляющих. Несмотря на то, что Федеральный закон № 315-ФЗ "О саморегулируемых организациях" и общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации регулируют аспекты договорной ответственности и ответственности за правонарушения, созданная в результате этого нормативная база остается интегрирующей лишь частично. Статья 60 Закона о банкротстве действительно обеспечивает формальную основу для привлечения управляющих к финансовой ответственности за причиненный ущерб; однако оперативные критерии для установления причинно-следственной связи и демонстрации халатности недостаточно четко определены. Эта двусмысленность порождает противоречия в судебном применении и оказывает сдерживающее воздействие на усмотрение административных органов, особенно в процедурных контекстах, характеризующихся экономической неопределенностью или повышенным системным риском [2].

Принцип разумности в поведении арбитражного управляющего занимает ключевое место в современной юриспруденции по вопросам банкротства, прежде всего из-за оценочного и зависящего от контекста характера этого критерия. В своих правовых толкованиях Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что все усилия, предпринимаемые арбитражным управляющим для увеличения конкурсной массы, должны соответствовать стандартам рациональности. Такое поведение должно явно исключать действия, не имеющие существенной пользы, а именно процедурные формальности или избыточные операции, которые увеличивают административные расходы в рамках производства по делу о несостоятельности без пропорциональной выгоды, что в конечном итоге подрывает финансовые интересы кредиторов и саму остаточную имущественную массу.

Учитывая этот оценочный ландшафт, при любом серьезном исследовании правовых и этических параметров профессиональной ответственности необходимо учитывать добросовестность арбитражного управляющего не только как процессуальной фигуры, но и как функционального антикризисного агента. В рамках установленных законом процедур банкротства этот субъект обязан примирять конкурирующие интересы должников и кредиторов, вынося решения, которые являются не только законными, но и по существу соответствуют экономической эффективности и процессуальной справедливости.

Одним из концептуальных недостатков существующей правовой базы, регулирующей обязанности арбитражных управляющих, является отсутствие сводного нормативного документа, в котором были бы сформулированы стандартные критерии работы. Чтобы исправить это, предлагается официально разработать и законодательно закрепить Кодекс поведения. Такая кодификация должна установить обязательные к исполнению директивы, касающиеся стратегических целей, сроков выполнения процедур, протоколов коммуникации между всеми группами заинтересованных сторон, стратегий снижения рисков и механизмов выявления и разрешения конфликтов интересов. Эта система установила бы структурированную методологию практической деятельности, тем самым уменьшив дискреционную изменчивость и повысив правовую предсказуемость.

Хотя критики могут возразить, что этот подход навязывает строгую юридическую архитектуру роли, которая часто требует ситуативной адаптации, следует признать, что структурированное руководство уменьшило бы двусмысленность. В частности, это позволило бы провести более четкое различие между непреднамеренными процедурными нарушениями и виновными профессиональными проступками. Это, в свою очередь, способствовало бы более последовательному вынесению судебных решений в рамках дисциплинарных разбирательств и уменьшило бы количество расхождений в толковании, вытекающих из оценочных правовых категорий.

Более того, все более важным аспектом правового статуса арбитражного управляющего становится его технологическая компетентность. В связи с тем, что операционная система управления банкротством становится все более зависимой от цифровой инфраструктуры, такой как Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕГРЮЛ) и системы электронного документооборота, арбитражный управляющий должен обладать базовым пониманием протоколов кибербезопасности, сохранения целостности данных и юридических механизмов цифровой коммуникации. Однако эти компетенции явно отсутствуют в действующих законодательных определениях профессиональной пригодности и способностей. Это упущение приводит к несоответствию между нормативными требованиями и формальными требованиями к квалификации, что делает процесс банкротства уязвимым с точки зрения операционной и правовой деятельности.

В заключение следует отметить, что правовой статус и рамки ответственности арбитражных управляющих должны быть пересмотрены таким образом, чтобы объединить как традиционные требования разумности и добросовестности, так и новые требования владения цифровыми технологиями. Кодификация поведенческих стандартов и четкое признание технологической компетентности в качестве критерия профессиональной пригодности помогут согласовать теоретические построения с реалиями деятельности, уменьшат плюрализм толкований и повысят системную надежность процедур банкротства.

Так, правовой статус арбитражного управляющего носит смешанный характер и требует доктринальной интеграции. Единые стандарты разумности, компетентности и ответственности снизят разнотолк и риски при принятии экономических решений в процедурах банкротства. Кодекс поведения и обязательная цифровая сертификация укрепят доверие к институту и повысят эффективность защиты интересов кредиторов и должника.

Список литературы:

1. Базарова, Н. А. Проблемы правового статуса арбитражного управляющего в современной действительности / Н. А. Базарова // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22–23 апреля 2021 года. – Барнаул: Алтайский филиал федерального государственного

бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»., 2021. – С. 109-111.

2. Богатырев, И. Р. Актуальные вопросы правового статуса арбитражного управляющего / И. Р. Богатырев // Трансформация научных исследований: инновационные подходы к решению задач : Материалы всероссийской (магистерской) научно-практической конференции, Ставрополь, 21 ноября 2024 года. – Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2025. – С. 163-169

3. Козырева, К. С. Гражданко-правовая ответственность арбитражного управляющего / К. С. Козырева, А. Н. Шилова // БИЗНЕС. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. Правовые и экономические аспекты : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции Леденцовские чтения , Вологда, 28 апреля 2022 года. – Вологда: Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) , 2022. – С. 278-281.

4. Шамраева, И. Л. Правовой статус арбитражного управляющего / И. Л. Шамраева, П. М. Терновцов // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : Материалы VII Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Белгород, 20–21 февраля 2024 года. – Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2024. – С. 195-200.

5. Шафранов, А. П. Кто такой арбитражный управляющий? / А. П. Шафранов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 11(278). – С. 89-105.

